

NULL-ПОКОЛЕНИЕ

КОСТИ ДЛЯ РЫНКА

РОМАН

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРДЕНКОВ

Николай Горденков

**NULL-ПОКОЛЕНИЕ:
КОСТИ ДЛЯ РЫНКА**

«Автор»

2026

Горденков Н. А.

**NULL-ПОКОЛЕНИЕ: КОСТИ ДЛЯ РЫНКА / Н. А. Горденков —
«Автор», 2026**

«Твоя душа — это товар. Твоя боль — это прибыль. Ты — актив.» Кира Новак — лучшая в своём деле. Она гранит страдания, превращая их в дорогие «бриллианты». Но однажды она узнаёт, что её детство было фальшивкой, созданной Архитектором — системой, которая торгует эмоциями. Чтобы спасти Землю от превращения в ферму душ, Кира должна создать «Чёрную дыру смысла», которая уничтожит рынок. Цена — её собственное «я». На пути — её идеальная копия, у которой есть всё, чего она лишилась. Сможет ли пустота стать спасением? И можно ли найти себя, если тебя никогда не было? Читайте «NULL-Поколение: Кости для Рынка» — роман, где каждая эмоция на вес золота, а любовь — единственный актив, который нельзя продать.

© Горденков Н. А., 2026

© Автор, 2026

Николай Горденков

NULL-ПОКОЛЕНИЕ: КОСТИ ДЛЯ РЫНКА

NULL-ПОКОЛЕНИЕ: КОСТИ ДЛЯ РЫНКА

Роман

Эпиграф

«Когда ты продаёшь последнюю слезу, ты обнаруживаешь, что внутри тебя – лишь зеркало, в котором отражается пустота. Но если разбить это зеркало, осколки могут стать новыми мирами».

— Из дневников неизвестного майнера, найденных на станции «Молох».

Пролог: Сырьё

Тишина в студии была абсолютной. Толщина звукоизоляционных панелей составляла девяносто сантиметров, и за ними, должно быть, глухо билось сердце утреннего Мега-Сити, но здесь, внутри капсулы «Сенсориум-7», реальность схлопывалась до одной точки – зрачка Киры Новак.

Перед ней на мраморном постаменте лежал объект контракта. От него пахло мокрым асфальтом, прокисшим молоком и той особой безысходностью, которая бывает только у вещей из казённых домов. Это был старый плюшевый медведь с оторванным ухом. Ему было сорок семь лет. На его спине сохранилась выцветшая бирка с номером «Д-17» – приют, который снесли десять лет назад, когда город решил, что память о детях-отказниках не окупается.

Его хозяйка, женщина с терминальной стадией рака поджелудочной железы, продала права на этот актив час назад. Её звали Мария Ковальчук. Она работала оператором мусороборочной машины в одном из Сырых Кварталов. Ей было пятьдесят три. Она не плакала, когда подписывала договор – слёзы давно кончились, их выкачали подчистую на чёрных бирках за пару тысяч Эмо, когда она пыталась оплатить первый курс химиотерапии. Теперь она лежала в хосписе, подключённая к системе жизнеобеспечения, и её единственным активом оставался этот облезлый медведь – свидетельство дня, когда она оставила свою четырёхлетнюю дочь у ворот приюта и ушла, не обернувшись.

Кира закрыла глаза и активировала нейроконттакт. Тонкая игла в основании черепа передала не боль, а привкус – железа и соли. Так начинался любой сеанс майнинга. Она больше не смотрела на медведя глазами. Она видела его памятью.

Мир распался на пиксели, чтобы собраться заново. Кира стояла босиком на холодном полу в коридоре с облезлыми стенами. Ей снова было пять лет. Чужие, но уже такие родные руки женщины-донора судорожно прижимали её к груди. Поток данных хлынул лавиной: горький запах дешёвых духов «Красная Москва» – она ненавидела этот запах всю жизнь, даже не зная, откуда он взялся; ритм испуганного сердца, словно там, внутри, бился испуганный зверёк; влажное пятно от слёз на макушке; и главное – острое, как скальпель, чувство вины.

Оно было не просто чувством. Оно было физическим объектом – тяжёлым, как свинцовая пластина, которая давила на грудь до хруста.

Обычный майнер уже начал бы процесс конвертации. Оцифровал бы тактильность объятий в производные ценные бумаги, упаковал бы сердцебиение в блокчейн-пакет для продажи на Внешних Рынках. Но Кира не была обычным майнером. Она была художником. Художником боли.

Она не просто копировала раскаяние – она его ограняла. Кира убрала из переживания запах пота (оставив только духи). Усилила контраст между температурой тела матери и холодом казённого коридора – так алмаз обрабатывают, чтобы он заиграл. Она растянула временной отрезок последнего взгляда на три секунды, превратив его в визуальную симфонию: мутный дверной проём, уходящий в бесконечность серой перспективы, и застывшая на лице дочери улыбка, которая ещё не знала, что её предали. Кира наложила на это звуковой слой – писк дверного механизма, который в реальности длился долю секунды, но в её огранке превратился в протяжный стон, подобный крику чайки над океаном. Она создала «Бриллиант Скорби» высшей пробы. Внутри него клубился туман, в котором можно было разглядеть лица – сотни тысяч лиц детей, которых когда-то бросили, и все они смотрели на зрителя с укором, который невозможно забыть.

На пульте загорелся индикатор оценки.

Актив «Раскаяние» обработан. Чистота: 99,7%. Глубина эмоциональной иррадиации: 10 секунд. Потенциал для нейромодификации враждебных субъектов: высокий. Рекомендуемый покупатель: «Корпорация Тишина» – спецподразделение по подавлению мятежей. Заявка на закупку уже поступила.

Именно такие бриллианты покупали не для удовольствия. Их покупали как наркотик для элиты, чтобы те, кто уже потерял способность чувствовать, могли на миг испытать что-то настоящее. Их покупали как оружие для психотеррора – выстрелить этим в генерала противника, и он сдастся, рыдая в голос. Или как валюту для сделок с теми, кто уже забыл, что такое боль, – с бессмертными, с синтетическими интеллектами, с расами, которые эволюционировали за пределы эмоций.

Гонорар капнул на счёт мгновенно – сумма с четырьмя нулями в валюте «Эмо», которой хватило бы на покупку небольшого астероидного рудника. Кира открыла глаза, возвращаясь в тишину студии. Плюшевый медведь на столе больше не источал ничего. Он был пуст, как гильза от снаряда. Кира знала, что женщина-донор, Мария, уже, наверное, умерла. В условиях контракта был пункт о «предсмертном бонусе» – самые сильные некро-переживания оплачивались вдесятеро дороже, если подписать документы за сутки до кончины. Кира видела, как та улыбнулась, когда ставила подпись. Ей было всё равно. Мария смотрела на медведя с ненавистью, смешанной с облегчением – ненавистью к себе, облегчением от того, что эта часть её жизни наконец превратится в деньги, которые она всё равно не успеет потратить.

Кира потянулась за стаканом воды – дистиллированной, подогретой до температуры тела, как требовал корпоративный стандарт, чтобы не вызывать термического шока у нервных окончаний. Она сделала глоток, когда иконка входящего вызова вспыхнула алым прямо на сетчатке её глаза. Это был не обычный корпоративный заказ – не запрос на огранку страха, не срочная заявка от военных, не предложение от чёрного трейдера. Абонент был скрыт, но вместо номера

высветился гербовый знак Биржи Смыслов Проксимы Центавра – две спирали, переплетённые так, что напоминали двойную спираль ДНК, но с разорванными звеньями. Рядом замигал код входящего актива. Кира поперхнулась водой.

Код актива: KN-000-ORIGIN.

Категория: Воспоминание.

Владелец: Кира Новак.

Статус: выставлен на торги в качестве самого дорогого лота галактического аукциона «Суверенитет».

Дата создания: 17 лет назад.

Кто-то продавал её собственные детские воспоминания. Те самые, которые она считала безвозвратно утерянными в катастрофе семнадцатилетней давности, когда её родители погибли при взрыве исследовательской лаборатории. Те, что были стёрты не аварией, а похищены профессиональным «майнером душ», который вошёл в её сознание под видом врача-психолога и вырезал все тёплые картинки, оставив лишь кошмары. Но теперь она видела дату регистрации актива – он был создан за год до катастрофы. Значит, её родители знали. Значит, они сами позволили это сделать.

Сообщение закончилось короткой строкой, набранной не шрифтом, а выжженной на сетчатке болью: «Твой ход, бриллиантовая девочка. Покупатель – спонсор вторжения на Землю. Торги через 72 часа. Если лот уйдёт – ты исчезнешь. Не метафорически. Финансово и экзистенциально. Ты станешь брендом. Твои слёзы будут разливать по бутылкам, а твой смех – продавать как подписку. Рекомендую попрощаться с собой».

Кира сжала стакан. Хрупкое стекло треснуло, порезав ладонь. Капля крови упала на опустошённого плюшевого медведя, и в этот момент нейроинтерфейс, верный своей программе, выдал непрошенный совет, холодный, как лезвие скальпеля:

«Вы фиксируете эмоциональный всплеск класса «Ярость» с примесью «Экзистенциальный ужас». Рекомендуется провести само-майнинг для конвертации в ликвидный актив. Текущая рыночная стоимость вашего гнева – 42 000 Эмо. Прогноз роста: 120% к закрытию торгов. Желаете зафиксировать прибыль?»

Она впервые за много лет не смогла превратить свою боль в товар.

Она захотела превратить её в пепел.

Часть первая: Сырьё

Глава 1: Стужа

Кира не стала заклеивать порез. Она смотрела, как алая дорожка стекает по запястью и капает на немой плюшевый труп. Капли падали с мерным, почти музыкальным ритмом – кап, кап, кап, – и каждая из них казалась ей маленьким таймером, отсчитывающим время до аукциона. Нейроинтерфейс продолжал услужливо подмигивать на сетчатке, предлагая варианты монетизации даже сейчас, даже в этот момент личного апокалипсиса.

«Рекомендованная розничная цена вашего гнева выросла до 43 500 Эмо. Эмоциональный индекс страха – 12 пунктов. Разрешить автоматическую фиксацию прибыли?»

Она резким движением выдернула кабель из основания черепа. Боль обожгла – острая, электрическая, – но взамен пришла первозданная, нефильТРованная ярость. Без аналитики. Без рыночной котировки. Просто желание разорвать того, кто превратил её прошлое в аукционный лот, кто посмел прикоснуться к тому, что даже она сама не могла вспомнить.

Сенсориум-7 находился на 190-м этаже Башни «Зенит», в стерильном раю корпоративных майнеров. Отсюда открывался вид на город – бесконечное море неоновых огней, рекламных голограмм и летающих машин, которые сновали между шпилями, как рыбы в коралловом рифе. Но Кира не смотрела в окно. Она смотрела в себя и видела там лишь чёрную дыру, которая начинала расти с каждой секундой. Она знала: ответы никогда не живут наверху. Ответы обитают внизу, в Сырых Кварталах, где экстракция эмоций до сих пор производится кустарно – через боль, секс и дешёвый алкогольный делирий. Там, где неон не проникает, где воздух пахнет мочой и горелым пластиком, где каждый второй – бывший донор, из которого выкачали всё, что можно, и оставили лишь оболочку.

Кира сменила стерильный белый костюм на то, что носила до того, как стать лучшей в своём деле: протёртую кожаную куртку с вшитыми глушилками биометрического сканирования – купленную на чёрном рынке за двадцать Эмо, старые джинсы, пропитанные запахом дешёвого табака, и тяжёлые ботинки на рифлёной подошве, которые оставляли следы, не читаемые системами распознавания. Она не просто вышла из Башни. Она исчезла с радаров корпоративного сектора, спустившись на лифте, который пах мочой и старыми транзакциями, где каждый этаж был отмечен не числом, а ценой аренды.

Сырые Кварталы встретили её мертвенным светом неоновых вывесок, рекламирующих услуги «чёрных майнеров»: «Извлечём вашу первую любовь. Без регистрации. Без налогов. Боль останется у вас, прибыль – у нас. Работаем круглосуточно». На углах сидели люди с пустыми глазами – «Нули», те, кто отдал слишком много и теперь существовал как биологический мусор. Они не просили милостыню, они просто ждали, пока кто-нибудь нажмёт кнопку «Утилизация» на их нейроинтерфейсе, и тогда их тела переработают на удобрения.

Кира прошла мимо них, не замедляя шага. Она знала, что жалость – это роскошь, которую она не может себе позволить. Жалость делает актив мягким, а мягкий актив плохо продаётся. Впрочем, сегодня она вообще не собиралась ничего продавать. Сегодня она собиралась найти Шрама.

Шрам – не имя, псевдоним. Легенда подпольного мира, бывший нейрохирург, лишённый лицензии за операцию по пересадке «бриллианта счастья» умирающему ребёнку без санкции Биржи. Он не просто проводил операции – он торговал памятью. Он знал всё о незаконном обороте воспоминаний: кто крадёт, кто покупает, кто хранит. Он был единственным, кто мог навести её на след продавца её детства.

Кира свернула в переулок, где стены были покрыты граффити, нарисованными краской, которая меняла цвет в зависимости от настроения прохожих – сейчас они были тускло-серыми, почти чёрными, потому что страх и отчаяние витали в воздухе плотнее смога. В конце переулка

находилась железная дверь, обитая ржавым листом, без ручки, без глазка. Кира постучала – три коротких, два длинных, один короткий, – и дверь открылась бесшумно, словно её и не было.

Внутри пахло йодом, горелым озоном и чем-то сладковатым, напоминающим перезревшие фрукты – запах разложения, который Шрам маскировал ароматизаторами, но безуспешно. На продавленном кресле сидел человек, лицо которого было покрыто не шрамами – а тонкой сеткой хирургических линий, будто кто-то нарисовал на нём карту подземных коммуникаций. Каждая линия была следом от операции – он сам проводил их на себе, чтобы понять, что чувствует пациент. Он курил сигарету, дым от которой уходил не вверх, а в специальный экстрактор, превращающий его расслабление в микроплатежи. Каждая затяжка стоила ему 0,5 Эмо, которые автоматически списывались на счёт Биржи – Шрам был должен им за свою свободу.

– Кира Новак, – произнёс он, не глядя на неё. Он знал, кто она, по походке, по запаху её гнева. – Твой страх пахнет особенно товарно. Я чувствую его даже сквозь глушилки. Ты ищешь своё прошлое. А я как раз знаю, кто его продаёт.

Она сжала зубы так, что заныли челюсти. Он продолжил, пуская кольцо дыма:

– Но информация стоит дорого. Не в Эмо. В услуге. Ты, говорят, умеешь гранить скорбь, как никто. Сделай мне «Бриллиант Агонии» из воспоминаний моего покойного брата. И я скажу, кто выставил лот KN-000-ORIGIN.

Кира молча кивнула. Она ненавидела это. Ненавидела, что её мастерство снова превращают в инструмент для чужой боли. Но её прошлое стоило чужой боли. Она знала это. И Шрам знал это. Они оба были игроками на рынке, где ставкой была душа.

– Хорошо, – сказала она. – Но я не буду врать тебе. Я вырежу из твоего брата всё, что смогу. И ты заплатишь не только информацией. Ты заплатишь тем, что увидишь его таким, каким он был на самом деле. Ты готов?

Шрам поднял глаза. В них мелькнуло что-то, похожее на страх, но он тут же подавил его – привычка профессионала.

– Я готов, – ответил он. – Я ждал этого двадцать лет.

Глава 2: Братская агония

Подвал Шрама был не просто операционной. Это был храм умирающих смыслов. Каждая деталь здесь была пропитана ритуалом. Свет исходил не от ламп, а от светящихся грибов, выращенных на питательной среде из переработанных эмоциональных отходов – их биолюминесценция создавала мягкий, зеленоватый полумрак, который успокаивал нервную систему, подготавливая её к вторжению.

Шрам провёл Киру вглубь, в помещение без окон, где вместо хирургического стола стояло два старых кожаных кресла, соединённых толстым оптоволоконным жгутом. На стенах висели аналоговые часы. Их было не меньше полусотни – и каждые показывали разное время. Одни спешили, другие отставали, третьи стояли намертво.

– Время смерти, – пояснил Шрам, перехватив взгляд Киры. – Каждого моего клиента. Я храню их секунды. Это единственная валюта, которая не облагается налогом, потому что Биржа не может её оцифровать. Смерть – последнее, что принадлежит человеку, и я собираю её как марки.

Он сел в левое кресло. Движения были скупыми, механическими, но Кира заметила, как дрогнули его пальцы, когда он начал подключать контакты к вискам – серебряные пластинки, которые впивались в кожу, как пиявки.

– Мой брат умер некрасиво, – произнёс Шрам, глядя в потолок, где паутина из проводов образовывала подобие звёздной карты. – Рак костного мозга. Четыре месяца в хосписе, оплаченном из моего кармана. Я приходил каждый день. И каждый день он просил меня прекратить. Не лечение. Его. Прекратить его самого. Укол, таблетку, что угодно. А я не мог. Я был слишком занят, пытаюсь заработать на его спасение, хотя знал, что оно невозможно. И он возненавидел меня за это. В последний день он сказал: «Ты продал мою жизнь, чтобы купить мне смерть». И умер, глядя на меня с таким презрением, что я до сих пор вижу его глаза.

Кира вставила свой кабель в разъём на другом конце жгута. Холодок пробежал по позвоночнику – так всегда бывало перед нырком в чужую травму. Она закрыла глаза и приготowiлась.

– Зачем тебе бриллиант из этого? Хочешь носить на шее как трофей? Или продать, чтобы забыть?

Шрам повернул голову. Его глаза были абсолютно сухими, но голос сел на октаву ниже.

– Я хочу, чтобы моя вина стала чем-то красивым. Единственным красивым, что осталось от нас двоих. Ты ведь можешь?

Кира не ответила. Она активировала нейроконтакт.

Реальность Шрама оказалась цвета ржавчины. Больничная палата, пропахшая хлоркой и застарелой мочой, с облупившейся краской на стенах, которая отслаивалась хлопьями, как кожа после ожога. На койке лежал иссохший человек – кожа да кости, обтянутые жёлтой, как старая бумага, плотью. В нём больше не было ничего от того мальчика, что когда-то запускал с братом воздушных змеев над полем, смеясь так громко, что птицы взлетали с деревьев. Осталась только боль – тупая, тягучая, которая сочилась из каждой поры, словно гной.

Кира вошла в чужое воспоминание как хирург. Она не торопилась. Она дала себе время прочувствовать пространство, прислушаться к звукам: писк капельницы, дыхание пациента – прерывистое, как у загнанного зверя, шаги медсестёр за дверью, шёпот Шрама, который сидел у изголовья и что-то монотонно бубнил, пытаясь успокоить брата. Но брат не слушал. Он смотрел в потолок, где трещина напоминала очертания материка, и его губы шевелились беззвучно.

Кира отслоила момент финального разговора – тот самый, где брат просит прощения за свою ненависть, но Шрам не слышит, потому что уже мёртв внутри, потому что он уже давно превратил себя в товар, чтобы оплатить счета. Она взяла это переживание в руки – оно было колючим, неправильной геометрии боли, как осколки разбитого зеркала, которые нельзя

сложить обратно. Обычный майнер сломался бы тут, получив неочищенную травму, которая отравила бы его собственное сознание. Но Кира начала работать.

Она отделила ненависть от любви – они переплелись так плотно, что казались одним целым, но она знала, как распутать этот узел. Убрала звук капельницы – он мешал чистоте переживания. Усилила свет из окна – в реальности его почти не было, больничные жалюзи были опущены, но память художника имеет право на ретушь. Она спрессовала четыре месяца в четыре секунды чистого экзистенциального крика, сжала их, как алмаз под давлением, и на границе между «я виноват» и «я прощён» она поместила паузу. Невыносимую. Абсолютную. Ту, в которой живёт всё человеческое – не как актив, а как данность.

Когда Кира открыла глаза, её лицо было мокрым – слёзы текли сами собой, хотя она не плакала. Нейроинтерфейс сообщил о превышении порога токсичности на 300%, но она проигнорировала. На ладони у неё лежал не файл – она физически ощущала его тяжесть, – угольно-чёрный «Бриллиант Агонии», внутри которого клубился туман безответной любви, и в этом тумане можно было разглядеть две фигуры – братьев, стоящих на поле, с воздушными змеями в руках, и небо, которое никогда не станет таким синим, как в их детстве.

Шрам сидел напротив. Он не спал. Он ждал, затаив дыхание. Кира протянула ему актив – маленький чёрный кристалл, который пульсировал, как живое сердце.

– Держи. Теперь это прекрасно.

Шрам взял бриллиант. Посмотрел на свет. И впервые за двадцать лет заплакал – без звука, без рыданий, просто пропуская через себя ту самую любовь, которую Кира выкристаллизовала из его же вины. Слёзы катились по его лицу, по сетке шрамов, и каждая из них падала на пол, оставляя тёмные пятна, которые тут же впитывались в бетон, словно земля принимала его боль.

– Продавец, – сказал он хрипло через минуту, когда голос вернулся к нему. – Тот, кто выставил твои воспоминания. Это не человек. Это держатель кошелька «Кадуцей-7». Зарегистрирован на нейросеть «АРХ». Физического владельца нет. Но есть координаты ретранслятора, через который идут торги. Это станция «Молох» на орбите Проксимы Центавра b. Попадёшь туда – найдёшь Архитектора. Или он найдёт тебя. И тогда ты узнаешь, что такое настоящая цена.

Кира уже не слушала. Она смотрела на свои руки. Они дрожали – не от усталости, а от понимания: она только что создала шедевр из человеческого страдания – и ей понравилось. Понравилось ощущать власть над чужой болью, превращать её в нечто прекрасное. И это было страшнее, чем любая угроза.

Глава 2.5: Сон в пробирке

В ту ночь Кира не спала. Она сидела в дешёвом мотеле на границе Сырых Кварталов – комната без окон, с кроватью, покрытой пятнами, которых лучше не знать происхождения, и с голографическим экраном, который показывал рекламу «услуг быстрого майнинга» для бедных. Она смотрела на чёрный кристалл, который дал ей Шрам – не тот, что с агонией, а другой, с координатами «Молоха». Координаты уже были загружены в навигатор её нейроин-

терфейса, но она медлила. Что-то зудело на границе сознания – не мысль, а предчувствие, как перед землетрясением.

Она закрыла глаза, надеясь провалиться в забытье, но мотель исчез.

Кира стояла в огромной стеклянной пробирке. Вокруг плавал зеленоватый гель – тёплый, вязкий, похожий на околоплодные воды. Сквозь стекло она видела лица. Их были сотни, может быть, тысячи – мужчины, женщины, дети, существа других рас, которых она не могла опознать: с щупальцами, с множеством глаз, с телами, переливающимися как жидкий металл. Все они смотрели на неё с одинаковым выражением голодного ожидания – не злого, а скорее усталого, как смотрят на последнюю каплю воды в пустыне.

Она поняла, что находится внутри какого-то гигантского инкубатора, и что все эти люди – или не люди – связаны с ней невидимой пуповиной, которая тянулась от её пупка и ветвилась, как корни дерева, к каждому из них. И через эту пуповину текла не кровь, а эмоции – её эмоции. Её страхи, её надежды, её слёзы – всё, что она когда-либо чувствовала, уходило в них, и они питались этим, как паразиты.

«Ты – наш самый ценный актив», – произнёс голос, который она уже слышала – тот же, что в сообщении на сетчатке. – «Ты ещё не знаешь, но твоя душа была выведена в лаборатории, как редкий сорт орхидеи. Каждая твоя слеза, каждый смех были спроектированы для определённой рыночной ниши. Ты не родилась. Тебя выпустили на рынок, как новый продукт, и твой «срок годности» ещё не истёк. Скоро тебя отзовут».

Кира попыталась разбить стекло, но конечности не слушались – гель был слишком плотным, он сковывал движения, как смирительная рубашка. Тогда она увидела надпись на пробирке, выгравированную лазером: «KN-000-ORIGIN. Партия №1. Срок годности: до аукциона. Не вскрывать до востребования».

Она проснулась в холодном поту, с криком, который застрял в горле. Кристалл пульсировал в руке, как живое сердце – горячий, вибрирующий, словно он тоже видел этот сон. Теперь она точно знала: Архитектор не просто украл её воспоминания. Он их создал. Её детство было лабораторным экспериментом, её родители – подрядчиками, её слёзы – сырьём. И она сама – всего лишь прототип, который вот-вот отправят в переработку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.